

Дом актера. — 1996. — Дек. — с. 8-9.

АКТРИСА НЕРВНАЯ

Продолжая верные традиции, мы пригласили актрису театра «Ленком» Елену Шанину. Нам повезло: зная талантливую, красивую, разноплановую и тонкую артистку, мы открыли для себя еще и умного, проницательного, обаятельного, интеллигентного человека. Увидя наш стол (меню все то же: печеная картошка, селедка, соленые огурцы, черный хлеб, немного водочки), Шанина настороженно сказала, что пришла р а б о т а т ь; уходя, она порадовалась тому, что удалось и отдохнуть. Работали мы или отдыхали, судить вам...

— Нам кажется, что существует в чем-то похожий тип актрис Вашего поколения: Елена Коренева, Евдокия Германова и Елена Шанина. Вас не удивляет это сравнение?

— Мой педагог Игорь Владимиров говорил: «Главное в актрисе — маленькое, черненькое, скрытое — изюминка». Наверное, вы правы, нас что-то объединяет... Вы сказали про Лену Кореневу, нас судьба интересно столкнула: в Москву я попала, потому что стала пробоваться на роль в фильме Андрона Кончаловского «Роман о влюбленных» и была уже почти утверждена. Но в работе над картиной вдруг возникла пауза, и тут появилась Лена, в которую невозможно было не влюбиться.

У Елены Шаниной мог бы быть широкий актерский диапазон, при условии, что сохранился ее петербургский интеллигентизм. Ее легко представить и в разудалом мюзикле, и в классической мелодраме, и в крутой современной пьесе.

В свое время Шанина могла бы сыграть трепетную Нину Заречную, а сейчас — роли, в которых много женской мудрости. Лена — существо благородное, в ней есть то, что Антон Павлович Чехов называл интеллигентностью тона.

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА

— Традиционная просьба: расскажите о своей семье, юности...

— Родилась в обыкновенной семье инженеров-экономистов. Мой папа человек достаточно одаренный: он даже поступал во ВГИК к Сергею Герасимову, и папу приняли. Его семья была очень патриархальной: она состояла из потомственных инженеров (один из Шаниных еще Лефортово строил), и считалось, что быть актером неприлично. Папа поступил в институт водного транспорта, но совершенно не учился, а только пел, танцевал — и в результате женился на моей маме, у которой было восемь детей. Она тоже не хотела учиться, она и так все знала, была человеком очень начитанным, остро мыслящим. Время было голодное, папа сказал маме: «Поехали, у меня назначение в Саратов — там огурцов!!!...» И они поехали. Очень быстро родилась я. Мама считала, что Саратов — это временно и семья непременно должна вернуться в Питер. Но мы еще жили и в других городах: в Волгограде, пока папа учился в аспирантуре, потом в Казани — и все возвращались в Питер. Мама духовно не могла смириться ни с каким другим городом.

Несмотря на внешнюю обычность моей семьи, родители были сумасшедшие люди. Красивые, влюбленные, поющие и танцующие. Мама заперчала мне изучать литературу по учебникам, она говорила: есть Белинский, Писарев, хорошие критические

Роли, в которых редакция видит Елену Шанину:
Павел Руднев — Таня («Таня» А.Арбузова)
Ольга Галахова — Агафья Тихоновна («Женитьба» Н.Гоголя), Донна Анна («Каменный гость» А.Пушкина)
Елена Аносова — Маша («Три сестры» А.Чехова)
Ирина Глушенко — Сесили Карьяло («Как важно быть серьезным» О.Уайльда)
Геннадий Демин — Ченни («Ченни» Шелли)
Маргарита Эскина — Гелена («Варшавская мелодия» Л.Зорина)

статьи. На это учителя обычно изрекали: «Шанина, язык-то у тебя подвешен, но вот учебник ты не читала!»

Потом я уехала в Питер к бабушке. Поступила в ЛГИТМиК, закончила его. Александр Збруев устроил мне встречу с Марком Захаровым. Он сказал: «**Вы артистка нервная, по-моему, хорошая.**» Марк Анатолий

евич посмотрел дипломный спектакль моего курса «Бесприданница», где я играла Ларису, решил принять меня в театр. Сразу стала репетировать в спектакле «В списках не значился». Но пока эта работа готовилась, выяснилось, что нужно срочно вестись в новый спектакль «Тиль» вместо Чуриковой. У меня было четыре дня на ввод. Так что до «Списков» я успела сыграть Неле и еще Принцессу в «Бременских музыкантах». Эти роли были для меня очень важны. Ведь Владимиров говорил, что я могу играть только Джульетту, и все мои попытки создать характерную, музыкальную, гротесковую роль им совершенно не принимались. Я понимала, что если останусь у Владимировой, то не стану актрисой. И все же это был самый потрясающий период жизни его театра. Какая была тогда в Те-

Смешные накладки?

Мы играли в Саратове спектакль «В списках не значился» при сорокапятиградусной жаре. Капают пот, а на нас напаяны телогрейки, каски, сапоги — все-таки поздняя осень 47-го. Мой партнер Саша Сирич склоняется надо мной и говорит реплику из пьесы: «Ты не устала, тебе не холодно?»

Потом кричит: «Все женщины должны покинуть катакомбы!» Вера Марковна Орлова отвечает: «Нам с Леночкой и здесь хорошо.»

И еще был случай. Я играла спектакль перед старушками — ветеранами сцены. Вдруг на первых рядах громкий шепот: «Кто это?» — «Это Шанина». — «Кто?» — «Ш-У-Н-И-Н-А!» (пауза) — «Хорошо выглядит — никогда не дашь пятьдесят два года.»

... НО ХОРОШАЯ

В качестве сюрприза редакция преподнесла Елене Шаниной тоненького, пушистого щенка — игрушку для дочери и большое наливное яблоко (по гороскопу друзей Шанина — «Яблоны»).

«Девочка Танечка, 4 года, очень плохо спит, много думает и много говорит. Ходит в Британскую интернациональную школу. Там учатся дети из тридцати одной страны. Фотографию дала мама.»

атре Комедии фантастическая труппа: Петренко, Солоницын, Дьячков, Фрейндлих, Равикович, Мазуркевич, Боярский — представляете?

— Не тяжело Вам было уезжать из Петербурга?

— Мне было нелегко жить в Москве до рождения дочери. Я скучала, тянуло в родной город: казалось, вся любовь, все чувства — там. И потом, когда одно поколение заканчивает вместе институт, все друг с другом связаны, друг друга поддерживают. Здесь же большинство режиссеров, актеров, критиков — москвичи. И я все время существовала как бы отдельно, совсем без поддержки. Но потом, когда появилась антреприза Козака, я почувствовала Москву, полюбила ее, ощутила особую прелесть ее театральности и, наконец, вышла из стен дома номер 6 по улице Чехова — моей оранжереи.

— Ощущали ли Вы разницу театральных школ двух столиц?

— В Питере мы всячески издевались в капустниках над московской школой: над ложной многозначительностью, длинными паузами, долгими раздумьями на сцене. Еще мне казалось, у нас совсем иная природа юмора. Нам тогда представлялось, что в Питере юмор хармсовский, а в Москве — что-то вроде Тарапуньки и Штепселя. Теперь я понимаю, что это не так.

— Есть ли у Вас в театре друзья?

— В театре «Ленком» у всех актеров прекрасные отношения, мы замечательно друг к другу относимся, всегда рады встрече, но друзей предпочитаем заводит на стороне.

— Расскажите о своих партнерах.

— Кроме добрых слов ничего сказать не могу. Горжусь, что судьба свела меня с ними. Колю Караченцова я сначала очень боялась. Самые нежные отношения были с Евгением Павловичем Леоновым, хотя я столкнулась с ним только в «Поминальной молитве».

— Леонов остался в памяти добряком-толстяком, он и в жизни был такой?

— Он был фантастически добрым. Очень любил вкусно поесть — когда ему врачи уже запрещали «излишества», страшно страдал по этому поводу. Интеллигентный, образованный, тонкой души человек, очень ранняя, страдательная личность. Я не могу сказать, что была его другом, но случилось так, что в Гамбурге, когда у него начался сердечный приступ, рядом с ним была только я. Весь театр был на экскурсиях. Я почувствовала, что у него такой же кашель, как когда-то был у моей мамы. Настояла на том, чтобы ему вызвали скорую. Когда врачи делали снимок, у Леонова остановилось сердце.

Что касается наших профессиональных отношений, то как-то, когда я репетировала «Юнону», Леонов сказал: «Ты хоть на голову встань, если сердце рвать не будешь, это никому не нужно». И знаете, этот закон ведь

не изменился...

— Есть люди, которые умеют выстраивать свою жизнь, как режиссеры, а Вы?

— Нет.

— Актёры Ленкома славятся тем, что участвуют в разных театральных тусовках, часто мелькают на телеэкране, украшают собой всякие презентации. Вас же почти нигде не видно. Это сознательно, или просто не зовут?

— Зная мое отношение — не зовут. Или, например, меня не снимают в кино, но смешно, многие думают, это моя позиция: не сниматься в кино. Вот и Захаров считает, что актер без кинематографа — ничто. Мы с ним часто спорили на эту тему. А теперь я считаю, что справедливість восторжествовала, и я выиграла спор. Так случилось, что я прошла путь исключительно театральной актрисы, и при этом меня знают и любят, и не только в Москве. Мы недавно гастролировали по Прибалтике, и меня принимали как старую знакомую. Все-таки я не зря по-

шла в театральный. «Веселые нищие» — мы же знали, на что идем. Мне хотелось глобальной славы — войти в историю, например.

— Есть ли у Вас авторитеты среди русских актрис?

— Фрейндлих, Целиковская, Бабанова. Я люблю, когда люди светятся изнутри...

— Понятие возраста особенно актуально для актерской профессии. Есть роли, которые уже не сыграешь...

— Мне нравится мой возраст. Я сейчас себя чувствую гораздо лучше, чем в молодости. И в жизни, и в театре. И очень рада, что все-таки решилась родить ребенка. Хотя пришлось уйти с роли Графини в спектакле «Безумный день, или Женитьба Фигаро», которую репетировала полтора года. Двадцать один год пробывла молодой героиней и вдруг стала взрослой женщиной нормального среднего возраста. Могу анализировать, по-смеиваться, думать...

Любите ли вы театр настолько, что готовы умереть в нем? — Нет, не настолько. Главное качество, которое вы цените: в партнере — умение слушать в мужчине — умение видеть в женщине — умение не обращать внимание... в режиссере — быть хорошим режиссером в пьесе — смысл в критике — смотреть спектакли, о которых они пишут в поклонниках — деликатность в чиновнике — желание выдвинуть на звание в себе — оптимизм

Валерий ТАРКАШИН

В прошлый раз мы пригласили в редакцию Валерия Гаркалина. Сегодня мы попросили его сказать несколько слов о нашей новой гостье.
Алена для меня событие. Мне весело на партнерш. Среди них были такие мощные человеческие индивидуальности, как Людмила Гурченко, Инна Чурикова, Ольга Аросева, Татьяна Васильева, Наталья Гундарева, Нонна Мордюкова. Чтобы преодолеть их мощную энергию, требуется сверхестественная подготовка. Есть удобные партнерши, которых не видно, которые подыгрывают. А есть личности. Алену я бы не отнес ни к тем, ни к другим. В ней — глубокая, хрупкая, женственная природа. Ее личностное начало не подавляло меня. Создалось, я не до конца понял эту актрису. Мне бы хотелось еще встретиться с ней, и у нас были бы попытки. Я уверен, что если мы приложим усилия для сближения, то у нас многое получится. Хочется новой встречи.